

Цюй Чэньчжоу понял — это конец.

Как он ни скрывался, все равно не ожидал встретить Цзян Синчжи, и уж тем более не думал, что именно он раскроет этот секрет.

У него не было времени вспоминать, гадал ли он когда-то Цзян Синчжи в башне «Цишэн», но этого человека он знал. Это был советник, тайно помогавший Ци-вану.

Раньше он считал, что Цзян Синчжи служит Хуай-вану, но последующие запутанные события постепенно опровергли его догадки.

Перед ночью дворцового переворота Цзян Синчжи бесследно исчез. Цюй Чэньчжоу не знал, чем всё закончилось для этого человека, но понимал, что с ним шутки плохи.

Перед Пань Хэ нельзя было раскрывать свою сущность, а перед Цзян Синчжи — и подавно.

Особенно когда дело касалось...

Его взгляд скользнул к Лю Чунмину, после чего он опустил голову.

Ещё в старом дровяном сарае, когда он впервые ясно разглядел Лю Чунмина, перед ним предстало то же предсказание, что и при их первой встрече в академии Цзиньси.

Избранный сын Небес.

Горькая усмешка промелькнула в сердце Цюй Чэньчжоу. Если бы он не был избранным, как бы ему удалось пережить катастрофу, постигшую семью Лю? Как бы он взошёл на золотой трон и сменил династию?

Это ужасное предсказание по-прежнему висело перед ним.

Неважно, коснётся ли сегодня гадание Лю Чунмина — он скорее умрёт под пытками, чем проронит хоть слово.

Да и после слов Цзян Синчжи, независимо от того, заговорит он сегодня или нет, Ду Цюань прозреет и поймёт, сколько раз его обманывали, и сколько из-за этого он потерял денег. На этот раз ему действительно не спастись.

Он точно не выживет.

Ду Цюань действительно вздрогнул, и его ум прояснился.

Он был торговцем, и его единственной целью в жизни были деньги. Иначе зачем бы он купил этого ребёнка?

Все знали, что юные рабы слишком хрупки — неизвестно, выживут ли, не то что принесут прибыль. Поначалу он хотел просто использовать эти демонические глаза для обмана, но после нескольких удачных гаданий сам начал верить в их силу.

Он настолько уверовал, что даже иногда гадал себе. А поскольку Цюй Чэньчжоу обычно молчал, как немая кукла, он безоговорочно принимал его молчаливое покачивание головой как отсутствие результата.

После той жестокой порки несколько лет назад маленький раб действительно оглох и онемел

на целый год. Как ни злился Ду Цюань, ему пришлось снять табличку.

Теперь приходили лишь те, кого приводили старые клиенты, но все уходили разочарованными.

И лишь сегодня, услышав эти отрезвляющие слова, он вспомнил прошлое. При мысли о деньгах, ускользнувших сквозь пальцы, его руки задрожали.

Эта неблагодарная тварь обманывала его все эти годы.

Он и представить не мог, что дрожащий под плетью ребёнок осмелится на такое.

Но он всё же сохранял рассудок. Как бы ни бесила ярость, здесь нельзя было её проявлять. Он с усилием выдавил улыбку.

— Господин Цзян шутит. Он и правда неразговорчив. Покачивание головой означает отсутствие как благоприятных, так и неблагоприятных предзнаменований — всё идёт своим чередом, мир и благополучие.

— У этого ребёнка есть ещё одно достоинство: он никогда не лжёт. Если уж говорит, то только правду. Я растил его больше десяти лет и не стану обманывать!

Присутствующие, видя его серьёзность, рассмеялись, не придав этому значения.

Что взять с торговца? Чем больше трюков, тем выше цена.

Убедившись, что сидящий во главе стола не гневается, Ду Цюань добавил с подобострастной ухмылкой:

— Не смею лгать вам, господа. Да и господин Цзян бывал у нас и знает: если ребёнок качает головой, мы не берём ни гроша. Все это просто для вашего развлечения.

— Забавно, — крикнул кто-то. — Хозяин, я в прошлый раз не разглядел как следует. Неужели и за то, чтобы посмотреть, нужно платить?

— Как можно, как можно! Просто ребёнок стесняется. Хотите посмотреть — смотрите сколько угодно.

Ду Цюань отступил на шаг, схватил Цюй Чэньчжоу за подбородок и заставил поднять лицо.

Лю Чунмин, слушая возгласы удивления вокруг, уставился на блюдо с фруктами, не желая, в отличие от других, разглядывать юношу.

Почему-то его отвращала эта сцена — так же, как когда-то привлёк тот взгляд.

Может, потому что видел эти глаза во сне?

Когда разноцветные зрачки устремились на него, сознание помутнело.

На миг в этих неземных глазах мелькнули несоответствующие возрасту спокойствие и смирение.

Тот ребёнок был словно драгоценная яшма, висящая над пропастью — так и хотелось броситься спасать, но одновременно не терпелось увидеть, как хладнокровие разобьётся в отчаянии.

Но он хотел разбить его сам, а не смотреть, как этот юноша, словно скот на убой, стоит на коленях, беззащитный перед чужими взорами.

Му Цзиндэ, в отличие от остальных, не ахал, а с интересом разглядывал пленника.

— Почему он связан?

Ду Цюань поспешил ответить:

— Благодарю за вопрос, господин. Видно, в детстве он раскрыл слишком много тайн Небес, и теперь его настигла кара. Периодически его охватывает безумие, и я боюсь, как бы он не навредил почтенным господам.

Ответ был ловким. Он намекнул, что гадания в башне «Цишэн» — не обман, и одновременно сохранил достоинство обиженного ранее евнуха Паня.

Услышав это, кое-кто за столом вспомнил историю с евнухом Панем и захихикал.

— Хозяин Ду, а что это у него на лице? Несколько лет назад, кажется, такого не было, — поинтересовался Цзян Синчжи.

— Господин Цзян, видимо, это и есть та самая кара Небес, — Ду Цюань поспешно заговорил, — Теперь только его глаза еще можно показывать. Нижняя часть лица... изуродована до безобразия, поэтому дабы не оскорблять взор благородных господ, мы и надеваем на него маску при выходе к гостям.

Лю Чунмин усмехнулся. После того странного сна он наводил справки у управляющего башни «Цишэн». Оказалось, с тех пор как мальчик перестал гадать, его жизнь стала куда хуже, чем у других рабов.

Те побои в дровяном сарае, судя по всему, были для него обычным делом. Эти шрамы — никакая не «кара», а следы жестоких побоев. Если рубцы до сих пор так заметны, можно только гадать, как его тогда истязали.

Поэтому Лю Чунмин тем более не понимал, в каких условиях нужно было вырасти, чтобы взгляд стал таким — спокойным, словно превыше жизни и смерти, каким он только что посмотрел на него.

И он никак не мог взять в толк, как такой человек мог внезапно сойти с ума и напасть на Пань Хэ.

— Хозяин Ду, — он устремил взгляд на сжавшуюся фигурку на полу и равнодушно произнёс: — Сколько стоит одно гадание?

Окружающие, зная его бережливость, начали подначивать. Даже Му Цзиндэ с улыбкой повернулся:

— Чунмин, разве ты не говорил, что не веришь в это? Как же ты решился пустить деньги на ветер?

Цзян Синчжи тоже подыграл:

— Хозяин Ду, перед тобой щедрый покровитель. Можешь запросить любую цену.

— Просто ради забавы. Разве интересно просто смотреть? — Лю Чунмин пожал плечами. — Возвращение господина стоит праздника, да и Синчжи выбрал отличное место. Как можно ограничиться лишь взглядом?

Ду Цюань чуть не расплакался от радости — сколько времени он не видел таких денег!

— Одно гадание — триста лян серебра. Если результата нет — не возьму ни гроша!

— Вот это дорого, — усмехнулся Лю Чунмин. — Не зря Шиянь советовал мне заняться гаданием. Давайте посчитаем, сколько нас здесь, и каждому — по одной попытке. Как вам?

Цзян Синчжи оскалился:

— Господин, Чунмин решился на такую жертву — это дорогого стоит. Я, во всяком случае, вижу его искренность.

— Хозяин Ду, — Лю Чунмин поднял бровь. — Для господина Цзяна — бесплатно.

Му Цзиндэ рассмеялся:

— Синчжи, твою попытку я оплачу.

— Благодарю, господин. — Цзян Синчжи почтительно сложил руки и взглянул на коленопреклонённого. — На этот раз я хочу чёткий ответ, а не твоё покачивание головой.

Ду Цюань ликовал, потирая руки. Он толкнул Цюй Чэньчжоу:

— Чэньчжоу! Чего застыл? Иди!

Под смех и шуточки окружающих Цюй Чэньчжоу, опустив глаза, медленно пополз на коленях к столу и едва слышно прошептал:

— Гадальные кости...

Те, кто сидел ближе, переспросили:

— Какие ещё кости?

— Благодарю за вопрос, господа. Для гадания ему нужно держать в руках гадальные кости — только тогда оно сбудется.

Ду Цюань, не видевший его таким покорным уже давно, поспешно велел принести кости, развязал верёвки и, дрожа от нетерпения, сунул их ему в руки:

— Быстрее!

Цюй Чэньчжоу опёрся одной рукой о пол, тяжело дыша — видимо, верёвки сдавили ему грудь. Через мгновение он медленно поднял голову и уставился на Му Цзиндэ.

— Как ты смеешь! — кто-то крикнул.

Взгляд переместился на Цзян Синчжи.

Тот тоже смотрел на него, слегка нахмурившись.

Быть объектом этих глаз было неприятно — словно тебя видят насквозь.

Именно из-за этого странного ощущения Цзян Синчжи и запомнил его.

Кто-то засмеялся:

— Выглядит убедительно. Сам выбирает, кому гадать? Похоже, очередь за господином Цзяном...

Не успел он договорить, как Цюй Чэньчжоу вдруг дико вскрикнул и рванулся вперёд. На этот раз он не бросил кости, а схватил ближайший чайник.

— Держи его! — Ду Цюань первым опомнился. Сердце у него ушло в пятки. Он бросился на Цюй Чэньчжоу и сбил его с ног.

Но было поздно.

Чайник полетел в Цзян Синчжи, но из-за прыжка Ду Цюаня траектория изменилась. Кипяток и зелёные чайные листья окатили лицо Лю Чунмина.

Всё произошло так быстро, что Бай Шиянь не успел даже руку поднять.

В зале воцарилась тишина. Только приглушённые стоны Цюй Чэньчжоу, прижатого к полу Ду Цюанем, нарушали молчание.

Все уставились на Лю Чунмина, который всё ещё держал чашку... с чайными листьями в волосах и струйками воды, стекающими по щекам.

Ду Цюань в ярости пнул Цюй Чэньчжоу и заорал:

— Уведите этого скота! Забейте до смерти! Мне он больше не нужен!

Когда дверь закрылась и слуги уволокли юношу, Ду Цюань, дрожа, подполз к Лю Чунмину на коленях и залепетал:

— Господин шицзы, прошу, не обращайтесь внимания на этого безумного скота! Он действительно безумен! Я... я был ослеплён жадностью, не следовало выпускать его! Я прикажу убить его, чтобы вы успокоились!

— Точно безумец? — лицо Лю Чунмина покрылось льдом.

Ду Цюань чуть не разревелся. Если этот господин, как Пань Хэ, потребует денег, отделаться будет куда сложнее.

— Клянусь, он безумен! Все в башне «Цишэн» знают. Иначе разве я снял бы табличку и лишился доходов?

— Безумие? Отлично, я умею лечить безумие, — Лю Чунмин осклабился, вытирая чай с лица.  
— Если он так легко умрёт, кого же мне лечить? Как думаешь, хозяин Ду?